

В № 6 “Справочника руководителя учреждения культуры” вниманию читателей была представлена концепция проекта нового закона о культуре. Предполагается, что она ляжет в основу проекта закона, а тот, в свою очередь, заменит Основы законодательства о культуре, принятые еще в 1992 г. Старый нормативный акт был во многом полезен для деятельности учреждений, но из-за того, что из закона исключали все новые и новые статьи, постепенно, по словам участников сегодняшней дискуссии, он стал похож на старое лоскутное одеяло.

В концепции проекта нового закона обозначены принципы, с важностью которых сложно поспорить. Но пока руководителям и менеджерам учреждений культуры непонятно, как именно эти принципы будут отражены в законе.

О том, зачем нам новый закон о культуре, какие опасения и ожидания связывают с ним, “Справочнику руководителя учреждения культуры” рассказывают видные представители библиотечной, театральной и музейной общественности.

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О КУЛЬТУРЕ. ПРОГНОЗЫ, ОПАСЕНИЯ, ПОЖЕЛАНИЯ

Е.Ю. Гениева,
генеральный директор
Всероссийской государственной
библиотеки иностранной
литературы им. М.И. Рудомино

и, видимо, только со временем и на практике мы получим на них ответы.

Оснований впадать в отчаяние нет, поэтому постараемся разобраться объективно. На смену статуса учреждений будет предусмотрен некий переходный период до середины 2012 г. Конечно, хотелось бы больше конкретики по данному вопросу.

Мысль обсудить вопрос о переходе учреждений на новые условия хозяйствования совершенно правильна и очень актуальна. Именно по этой причине Министерство культуры и, в частности, департамент, отвечающий за работу библиотек, совместно с юридическим подразделением провели ряд встреч и обсуждений того нового, с чем столкнутся библиотеки при этом переходе. Вопросов все равно остается немало,

С вероятностью 80% Всероссийская библиотека иностранной литературы станет, как и другие федеральные библиотеки, бюджетным учреждением. Хотя, логически рассуждая, библиотека — учреждение казенное, иными словами, находящееся на полном государственном обеспечении. С другой стороны, можно понять и государство: в восприятии всех библиотек, музеев, архивов оно — институт, который все и всегда должен.

Приблизительно двадцать лет тому назад ВГБИЛ начала заниматься привлечением внебюджетных средств финансирования. На сегодняшний день такие средства составляют более 40% от общего объема средств. В библиотеке собраны порядка 4,5 млн единиц хранения на 144 живых и мертвых языках, библиотечные работники владеют иностранными языками, работает мощнейший международный отдел, который занят международными программами, у библиотеки уже 17 лет существует Международный попечительский совет, в который входят директора видных библиотек мира. Однако для страны наш пример уникален.

Разве могут тягаться с таким гигантом, как ВББЛ, муниципальные библиотеки провинциальных городов России? Нельзя требовать от них, чтобы и они покрывали 40% финансирования за счет внебюджетных средств.

У нас вообще особый менталитет: нам все время кто-то что-то должен и кого-то во всем надлежит винить. Государство – больше всех. Мне кажется логичным, чтобы крупные культурные центры привлекали дополнительные средства к своему бюджету, а не только стояли с протянутой рукой. Но столь же неестественно, если не абсурдно, чтобы бесплатный доступ к ресурсам библиотеки, который мы обязаны предоставлять любому пользователю, то есть читателю, не был бы обеспечен государством. Ненормально и то, чем я занимаюсь много лет, а именно – перевожу свои внебюджетные средства, предназначенные для развития библиотеки, на поддержание ее основной деятельности. Внебюджетные средства предназначены только для *library development* – этот термин означает не строительство, а развитие библиотеки. Это понятие и сам термин не так давно вошли в наш профессиональный обиход. Мы вынуждены платить за воду, за электричество, за коммуникации, хотя, по идее, это должно делать государство. Но платим – мы, потому что не хотим, чтобы рухнуло хозяйство, а вместе с ним и вся наша деятельность. Получается заколдованный круг: библиотека сама у себя отнимает средства, которые должны пойти на развитие каких-то программ, которые, в свою очередь, принесли бы дополнительные средства на ее развитие, и 40%, возможно, превратились бы в 80%.

Перевод библиотек на внебюджетное финансирование – это западная практика. Имея большой опыт работы в руководстве ИФЛА, я прекрасно понимаю, откуда взялась эта идея. В частности, она воплощается в Голландии. Там музеи постепенно становятся, по сути, частными, хотя продолжают получать и финансирование от государства. Здравый подход – работать, рассчитывая на свои силы, без торгов, по Закону № 94-ФЗ¹... Но нам далеко до Голландии, у которой не было ни 1917 года, ни войны, ни ГУЛАГа. Там траву на газонах триста лет как стригут!

Да, я публично заявляю о вреде Закона № 94-ФЗ для библиотек, когда слышу от высокого чиновника, что если я хочу напечатать двуязычное издание Лермонтова или Тютчева, то должна доказать проверяющим органам, что

я то ли Тютчев, то ли Лермонтов, иначе возникнут вопросы – а вдруг кто-то... напишет это дешевле. Гоголю такая ситуация даже в "Носе" не могла привидеться. Когда мне первый раз предложили подписать документ о том, что я написала стихотворение Федора Ивановича Тютчева, я сказала: "Бы с ума сошли? Это не мой продукт, это общественное достояние". Но кому мне это объяснять, если есть Закон № 94-ФЗ?

Хотели как лучше, а получилось даже хуже, чем всегда: думали, что будут бороться с коррупцией, а на практике создали для нее идеальные условия. Любой здравомыслящий руководитель будет пытаться уйти от таких конкурсов.

Эту историю я уже рассказала в передаче "Школа злословия", повторю ее еще раз. Некоторое время назад, когда мы заказывали книги издательства Кембриджского университета, давнего партнера библиотеки иностранной литературы, я попала на тендерную комиссию. Мне говорят – нужен альтернативный поставщик. Пускай, например, эти же книги издает Оксфордский университет. Я удивилась: если библиотеке потребуется книга Оксфордского университета, я ее куплю напрямую. А чиновники мне отвечают – а вдруг в данном случае в Оксфорде сделают то же самое дешевле?

Ну, хорошо, вот мы перешли в бюджетный статус. Что дальше? Мне никто этого не сказал, в Законе № 83-ФЗ² об этом тоже ничего не говорится, как и в концепции проекта закона о культуре. Но я так понимаю, что будет существовать некий госзаказ. Вероятно, он будет покрывать содержание здания (оно ведь принадлежит по праву собственности государству, а у библиотеки лишь находится в оперативном управлении). Наверное, должны выделяться какие-то деньги на содержание этого здания, которое уже 65 лет никто не ремонтировал. Наверное, должен быть госзаказ на комплектование, которое и так находится в утрашающем состоянии. Ну и, наверное, будут предусмотрены какие-то конкурсы, гранты, дополнительные программы.

Очень важный пункт – заработная плата сотрудников библиотек. Конечно, хотелось бы, чтобы библиотеке выделялся бюджет на зарплату. В устах Дмитрия Сергеевича Лихачева фраза о том, что библиотека – это подвижники, звучала замечательно. Но когда со всех высоких трибун нам рассказывают, что мы подвижники, я испыты-

¹ Здесь и далее – Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ "О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд".

² Здесь и далее – Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений".

ваю чувство неловкости, смешанное с чувством раздражения. Я не хочу, чтобы мои сотрудники были подвижниками! Я хочу, чтобы они были нормальными женщинами, с красивыми прическами, с хорошим макияжем, без жутких синих халатов и тапочек. В моей библиотеке, как и в других, в том числе и региональных, работают вполне нормальные молодые женщины. Но у них должна быть достойная зарплата. Потому что они не могут заработать здесь никаким другим дополнительным способом. Библиотека, что легко понять, не казино или ночной клуб. Любопытно, что, как показывает практика последних лет, как раз в библиотеку приходят сотрудники из казино. Это не шутка. Когда я спросила у такой девушки, зачем она идет сюда, ведь здесь она никогда не будет получать столько же, сколько на прежнем месте работы, та ответила: “Здесь приличное место”.

Но государственная зарплата, ставка у работающих на приличном месте – это слезы. Поэтому из внебюджетных средств я доплачиваю своим сотрудникам, “съедаю” внебюджетный фонд, но делаю это для того, чтобы после стольких вложенных в сотрудников сил – обучения иностранному языку, различным традиционным и инновационным библиотечным премудростям, компьютерной грамотности, обучающих зарубежных поездок и т. д. – они от меня не ушли. Наверное, многим культурологическим и библиотечным учреждениям, да и государству в целом, давно пора заняться обсуждением этой злой для нашей отрасли проблемы.

Мы часто ругаем власть. А она очень часто не делает чего-то просто потому, что не знает, что она должна делать. И вместо того, чтобы ее ругать, надо найти словарь, с помощью которого с ней говорить.

Если не выходить на контакт вообще, власть ничего не будет знать, и будут создаваться законы наподобие Закона № 94-ФЗ. Однажды я предложила своим коллегам, директорам федеральных библиотек, написать письмо Владимиру Владимировичу Путину, который тогда был Президентом России. Они начали мяться: понимаете, он такой занятый человек, зачем мы будем отвлекать его по мелочам, нам и так кто-нибудь поможет. У меня другая позиция – именно потому, что Президент облечен огромной властью и наши проблемы носят вполне государственный характер, мы должны входить с ним в контакт.

Для этого и нужны ассоциации. Надо обсуждать, а не кричать, что все плохо, и не начинать думать об обсуж-

дении, когда время уже упущено и неудачный закон превратился в священную корову, которую никому нельзя трогать. Хотелось бы, чтобы процедуры вступления в диалог с властью и решения спорных вопросов по Закону № 94-ФЗ были отражены в новом законе о культуре, который, безусловно, требует самого вдумчивого обсуждения.

Теперь перейдем непосредственно к тексту проекта закона о культуре. Для того чтобы мы обеспечивали защиту прав и свобод человека, нужен комплексный подход ко всему. За примером далеко ходить не придется – частный спонсор дал библиотеке денег, и мы построили пандус. Вроде бы, обеспечили доступ инвалидов к библиотечным ресурсам. Но вот к нам приезжает инвалид – и что дальше? У нас нет колясок. “Аэрофлот” подарил две. А как они поедут в лифте, если лифты изначально не были для них приспособлены? В течение семидесяти лет в стране как будто бы не было ни инвалидов, ни беременных, а тут они внезапно откуда-то появились.

За словами об общем доступе, защите прав и свобод человека должно стоять реальное, реалистическое финансирование. Иначе это так и останется словами на бумаге.

Обеспечение и укрепление единого культурного пространства в РФ – это мой “любимый” пункт концепции проекта закона о культуре. Никакого единого культурного пространства в нашей с вами действительности, как бы лично мне ни хотелось его иметь, нет, потому что действует Федеральный закон № 131-ФЗ¹. Вот я – федеральная, а мои коллеги – московские. А еще есть масса региональных, и у всех – отдельное финансирование.

Эту ситуацию иначе как анекдотической не назовешь. Мне рассказали, что когда в Санкт-Петербурге готовили акцию “Ночь музеев”, а она проводится там блистательно, в какой-то момент финансовое управление Департамента по культуре сказало, что проводить акцию нельзя: по городу должны быть пущены автобусы для перевозки людей из одного музея в другой. Если посетитель сначала едет в федеральный музей, а потом на том же автобусе в какой-нибудь городской музей, то как разделить финансирование? Я не знаю, как они решили эту проблему, – это не поддается логике. Управление впало в полный ступор, как в случае с Тютчевым и Лермонтовым. Это даже не ветряные мельницы Дон Кихота. Это Кафка “Процесса” и “Замка”. Кафка – он реалист!

¹ Здесь и далее – Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”.

Никакого единого культурного пространства у нас не существовало и не существует. Оно может присутствовать в нашем внутреннем видении, в наших мечтах, но как только мы пытаемся что-то сделать – тут же хлопаемся на землю, как Икар. И никакого общего культурного пространства не получается.

Равный диалог между культурными сообществами разнообразного уровня – отличная вещь. В этот диалог должны быть включены и люди с ограниченными возможностями, и различные этнические группы. Такой диалог очень правильно вести на территории библиотеки и культурных учреждений. Библиотеки по своей философской и социальной сути, по структуре – открытые учреждения. Мы обязаны принимать всякого и принимать до тех пор, пока пребывание этого пользователя в стенах библиотеки не станет опасным или некомфортным для остальных читателей. Это подразумевает и равный доступ к информации в Интернете: я не могу запретить националистически настроенному мальчику смотреть фашистские сайты, но могу запретить делать это на территории библиотеки, потому что он создает психологически и социально опасную ситуацию. Его действия возбуждают ненависть. Но стоит ему прийти домой или просто выйти на улицу – он может смотреть и читать все, что захочет.

Я все время говорю о действиях разных участников правоотношений в сфере культуры, в т. ч. в Государственной Думе РФ. А мне отвечают, что невозможно скорректировать, изменить Закон № 94-ФЗ под нужды библиотеки. Закон принят. Может быть, стоит познакомиться директоров библиотек и библиотечных специалистов с авторами закона, и мы хотя бы попытаемся им объяснить, что, образно говоря, на один рубль можно купить и сто гвоздей, но если на этот гвоздь будут вешать картину Репина, лучше пусть он будет один? Все требует осмысления.

Повышение качества и разнообразия услуг в библиотеке – очень интересная вещь. Мы ведь отнесены к обслуживающим учреждениям. В государственном реестре услуги библиотек находятся где-то между ритуальными и парикмахерскими услугами. Мы и в самом деле сфера обслуживания, ничего унижительного в этом нет. Но из соображений вкуса я бы, конечно, нас куда-нибудь передвинула.

Судьба библиотек в XXI в., по сравнению с предыдущими веками, видится печальной. Чем больше мы говорим о новых технических возможностях, пространстве Интернета, тем сильнее мы “выпихиваем” читателя из своих помещений.

Чем больше мы насыщаем электронные каталоги, чем полнее становятся текстовые базы данных, чем больше

мы сканируем, тем меньше люди приходят к нам сами, своими ногами. Раньше они приходили сюда, чтобы постичь фонд, который был для них Богом. До сих пор эта психология, это убеждение, что самое ценное, что есть в библиотеке, – ее фонд, “работает”. Я вовсе не хочу сказать, что фонд не важен, напротив, он очень важен, и несусловно, на каком носителе он существует. Жизнь идет вперед.

Уход читателя, а точнее, превращение читателя в удаленного пользователя ставит перед всеми вопрос – какие услуги мы должны предоставлять?

Книгу сдал, книгу выдал, позвонил, сказал, что книгу просрочил, – неужели это все? Такая библиотека точно будет обречена. Я убеждена в том, что библиотека должна превратиться в площадку диалога, в том числе международного и межкультурного общения. Мы хотим построить отношения с исламом. Это очень трудная задача. Конечно, можно провести конференцию. Но лучше “круглый стол”, диалог, лучше смотреть друг на друга и “различать черты лица”. Это новая функция библиотеки. Почему именно библиотеки, а не политиков, не религиозных деятелей? Библиотека, как уже говорилось, – открытое для всех пространство. К нам приходят и православные, и католики, и мусульмане, и иудаисты, и реформаты. Мы им всем говорим: добро пожаловать.

Вообще, библиотека иностранной литературы – это гигантский мост, который перекинут из одного конца в тысячи культур, которые находятся за нами. И наша задача – бесконечное строительство. Я думаю, что в этом и заключается секрет успеха этой библиотеки. Он не в том, что здесь находятся международные центры, которые как-то поддерживают развитие библиотеки. Дело совсем не в этом. Мы предоставляем им место на этом мосту. И тут же занимаем другое. Мы идем по мосту и обязательно где-то встретимся. В этом – смысл существования этой библиотеки и причина ее успеха.

Библиотечное сообщество готово принимать участие в совершенствовании работы органов государственной власти. Только для этого надо, чтобы наш голос: а) был и б) был услышан.

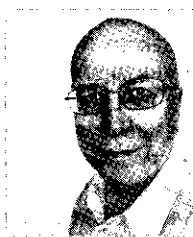
Думаю, настало время серьезнее отнестись к образованию в Москве какого-то библиотечного союза. Так что в следующий раз мы с вами поговорим о создании Союза библиотек города Москвы.

В концепции проекта закона о культуре закреплено право на создание общественных объединений. И это прекрасно! Я, как человек, рожденный в 1946 г., даже не

могу себе представить того количества обществ, кружков изучения Пушкина, Тютчева, Лермонтова, кого угодно, что раньше существовало на предприятиях. Чем больше будет этих образований и чем более разными, инновационными они будут, тем лучше для культуры, страны, мира, менталитета, самих работников и т. д. Другое дело, что когда ко мне приходят представители различных новых образований и говорят, что завтра собираются перестроить Россию, созвать международный конгресс, я спрашиваю: "А где деньги?". Важен реализм подходов и действий.

Проблема в том, что в концепции проекта закона о культуре все очень хорошо и складно написано, но непонятно, КАК это будет осуществлено. Жаль, что я в основном говорю про "как", хотя могу и про "что". Четыре года тому назад была разработана концепция программы "Чтение". В ней все было про "что", а мне интересно – "как" это осуществить. Я доказала, что регионы, при отсутствии единого пространства культуры, но большом желании, чтобы оно появилось, сами дают свои средства на КАК, чтобы появилось ЧТО. Губернатор Брянской области финансирует издание Тютчева, поняв, что это его локальная идентичность, что он его земляк, и вдруг он также осознает, что посредством издания стихов поэта он создает образ своего региона на федеральном уровне и за рубежом, мощно вступает в мировое культурное пространство.

Вообще, при таком обилии отраслевых законов и подзаконных нормативных актов, я полагаю, что в единых для всей культуры основах как-то отпадает нужда. Наверное, они помогают обеспечивать порядок в государстве, но все же должны быть какие-то общие акты, особенно когда мы выстраиваем внутри государства что-то глобальное. Но если эти акты не подкреплены политической волей, можно их даже не писать – это будут пустые, декларативные слова, не подкрепленные действиями. Если я скажу, что "Пушкин – это наше все", для ткачихи из Ивановской области ничего не изменится. А если для нее будет снят фильм, который будет ей интересен и понятен, то Пушкин начнет существовать в ее жизни. А если мы, люди культуры, придумаем для нее что-то, например, сделаем ее предприятию заказ на пошив костюмов для бала Татьяны в Ивановской губернии, расскажем, что за человек была Татьяна, ткачихе станет интересно, что же у этой Татьяны происходило с Онегиным: любила она его, не любила, зачем письмо ему писала. Можно спросить, зачем этой ткачихе Пушкин, чем он поможет в ее жизни. Это снобистский, неправильный подход. Все, что есть в культуре, нужно каждому человеку. Другой вопрос, как он это воспримет и применит. И в этом – наша великая миссия библиотекарей.

Г.А. Смирнов,
заместитель председателя
Союза театральных деятелей
России

Зачем нужен закон о культуре? Противники этого закона считают, что все принципиально важные для культуры вопросы можно отрегулировать в общем законодательстве, не принимая отдельных нормативных актов по каждой сфере культуры, будь то закон о театре или о каком-то другом направлении деятельности. Они и правы, и не правы одновременно.

Правы они в следующем: с точки зрения хозяйствования культура ничем не отличается от любой другой сферы. Точно так же существуют смета доходов и расходов, штатное расписание, должностные оклады и должностные обязанности работников. Тем не менее в Трудовом кодексе РФ есть отдельная глава, которая определяет особенности регулирования трудовых отношений в сфере искусства. Это связано в том числе с применением детского труда. Представьте себе, что было бы, если бы мы подчинялись общему законодательству о труде. Нам бы пришлось отказаться от всех цирковых номеров, потому что в них часто участвуют дети. Некоторые спектакли пришлось бы играть только днем, потому что применение детского труда в вечернее время запрещено. У части работников культуры разорванный рабочий день: не с 9.00 до 18.00, а с 11.00 до 15.00, а потом с 19.00 до 23.00. Все это относится к специфике сферы культуры и искусства. Ее наличие признает и трудовое законодательство. Для того чтобы не разбрасывать эти специфические моменты по всему общему законодательству, нужен один закон, который вобрал бы всю информацию о культуре. И лучше было бы, чтобы это был не отдельный закон, а кодекс законов о культуре.

Два года назад на пленарном заседании Общественной палаты на обсуждение был вынесен доклад "Культура и будущее России: новый взгляд". Доклад делал председатель комиссии по культуре Общественной палаты, председатель Союза театральных деятелей России (далее – СТД РФ) Александр Александрович Калягин. Авторы доклада и Александр Александрович говорили о том, что законодательство, сформированное в 1990-х годах и действующее на сегодняшний день в культурной сфере, имеет в правовом смысле "лоскутный", фрагментарный характер. Целостного взгляда на культуру в законодательстве нет. Каждый раз при внесении поправок в Бюджетный, Налоговый, Гражданский кодексы о культуре и искусстве просто забывают.

Лирическое отступление. Федеральная антимонопольная служба – ФАС России, говоря о Федеральном

законе № 94-ФЗ, озвучивает цифры, с которыми сложно спорить. По их данным, с введением Закона № 94-ФЗ бюджет Российской Федерации сэкономил многие миллиарды рублей на закупках лекарств, на работах по строительству жилья и дорог и т. п. Но сказать то же самое о сфере культуры и искусства они не могут, потому что в этих сферах расходы на новые постановки в театрах, на концертные программы концертных организаций только возросли. Сэкономить не сэкономили, а затрат на проведение конкурса – добавили. Уже после принятия закона, в результате многократных обращений к Президенту, в Правительство, в Государственную Думу все-таки удалось внести изменения в закон, и сегодня театру уже не нужно объявлять конкурс на режиссера. Вопрос – что мешало предусмотреть этот нюанс сразу? Ответ прост: сегодня в разработке законодательства участвуют рабочие группы, специалисты, которые считают, что знают, как надо писать законы. Безусловно, они являются профессионалами в правовой, юридической области. Но они не понимают существа регулируемой сферы. Например, я совершенно уверен, что авторы Закона № 83-ФЗ в организации и внутреннем устройстве культуры не разбираются. Если бы с самого начала к созданию закона привлекались различные специалисты из сферы образования, науки, культуры, медицины, и эти люди участвовали бы в подготовке нормативных актов, многих ошибок удалось бы избежать.

Иногда в процессе законотворчества Министерство экономики и Министерство финансов РФ не обращаются к специалистам за экспертной оценкой. И мы оказываемся вынуждены уже на стадии принятия законов подключать "тяжелую артиллерию" в лице народных артистов, художников, выходить на самый верхний уровень власти... Как будто на том уровне больше нечего делать, кроме как мирить творцов с законотворцами.

Поэтому-то на том пленарном заседании Александр Александрович Калягин и поднял вопрос о принятии кодекса законов о культуре. Причем этот кодекс должен включить в себя все действующие законы в сфере культуры: о библиотечном деле, о музейном деле, об архитектуре, о кинематографии и т. д. И также в нем должны найти свое место не принятые законы – о театре и театральной деятельности, о музеях-заповедниках... Можно было бы решить массу проблем, связанных с меценатством и благотворительностью в сфере культуры. Кодекс стоит в иерархии законодательных актов выше обычных законов, и мы получили бы не лоскутное одеяло, а системный взгляд на правовое регулирование культурной сферы.

Надо сказать, что старый закон о культуре в том виде, в котором он был принят, нас полностью устраивал. Но в том виде, в котором он существовал после того, как из него были изъяты многие нормы, он перестал быть законом в полном смысле этого слова и фактически ничего не регулировал.

В Конституции РФ есть гарантия свободы литературного творчества. Написать это еще не значит обеспечить эту свободу. Вроде бы сама по себе статья говорит о том, что каждый художник волен творить, как ему заблагорассудится, без всякого насилия и цензуры. Но поддержка творчества не ограничивается ненасилием, нужна еще и государственная поддержка. О какой свободе творчества может идти речь, если не будут создаваться рабочие места в сфере культуры, образовываться новые театры и сохраняться старые, художникам не будут выделять художественных мастерских? Свобода творчества будет задекларирована, но не обеспечена.

Также в Конституции записано, что каждый человек имеет право на доступ к культурным ценностям. Никому нельзя запретить пойти в театр, в музей или полюбоваться архитектурными объектами. Но в России живут Иван Иванович из Москвы и Николай Николаевич из города Опочка Псковской области. В Опочке люди имеют те же права на доступ к культурным ценностям, что и москвичи. Но если москвич может пойти в Третьяковскую галерею или во МХАТ, то Николаю Николаевичу пойти некуда. У него есть право, но нет возможности его реализовать.

Тут на помощь должно прийти законодательство: существуют нормативы обеспеченности детскими музыкальными школами на тысячу жителей, нормативы количества посадочных мест в учреждениях культуры и т. д. В России разброс этих показателей между субъектами федерации составляет даже не 2–3, а десятки раз. Законодательство должно установить невозможность, неправомерность такого разрыва. Закон о культуре 1992 г. был направлен на выравнивание субъектов РФ в доступе к культурным ценностям. В нем содержалась известная норма: 2% средств федерального и 6% регионального бюджета должны были направляться на нужды культуры. Пусть эти нормы не везде выполнялись, но была определена тенденция к достижению указанных величин. Доля расходов на культуру в федеральном бюджете постоянно росла. А в последние годы мы видим постоянное снижение доли расходов на культуру. В большинстве субъектов ориентируются на Федерацию и делают точно так же – снижают расходы на культуру. Мы считаем, что это негодная государственная культурная политика, с ней мы обречены на потрясения в будущем и полную утрату национальной идентичности.

Государственная культурная политика заключается не в том, чтобы государство диктовало художнику, что и как ему рисовать. Художник сам с этим разберется. Государственная политика должна быть реализована через закон о бюджете. Если в бюджете сокращаются расходы на культуру в абсолютном и относительном выражении, можно говорить, что государство проводит политику удушения культуры. Во всяком случае, говорить о государственной поддержке культуры в условиях сокращения расходов на нее не приходится. И ВВП, и производительность труда, и качество жизни граждан, и количество браков и разводов в стране, и число детей в семьях – все это производные от культуры.

Подытожим: истинным отражением государственной политики в сфере культуры является бюджетная политика государства. И никак иначе быть не может. Можно писать любые декларации о том, как государство любит культуру, но если в бюджете предусматривается все меньше средств на нее – значит, врет, что любит.

Работа над законом ведется. СТД РФ участвует в ней самым непосредственным образом. На октябрь намечены новые парламентские слушания по законодательному обеспечению театральной сферы. Разумеется, разговор коснется и закона о культуре.

Нужно понимать, что, привлекая к работе над законом практиков сферы культуры, законодатель все равно не сможет прописать в законе всего, что хотят эти практики. Например, практики бы захотели, чтобы в законе о культуре отдельной статьей было предусмотрено выделение мастерских всем художникам – членам Союза художников России. Это нельзя предусмотреть в законе и это не пропустят законодатели, потому что эта норма не будет действовать. Она вторгается в сферу компетенции субъектов Федерации. Мастерские выделяются исходя не из федерального законодательства, а из возможностей регионов. Записать такую строчку в законе – и он будет носить чисто декларативный характер. А хотелось бы записать там конкретные вещи. И проще было бы закрепить эти конкретные вещи в кодексе.

Вообще, кодификация, создание кодексов, – это правильно. Законодательство при этом обретает системный вид. В законодательстве следует прописать основные понятия, без которых мы просто не сможем оперировать определенными нормами. На это указывал в печати и председатель комитета Государственной Думы РФ по культуре Григорий Петрович Ивлиев. Один из важнейших терминов, который должен быть определен в законодательстве о культуре, – это культурная среда, окружение. Потому что качество жизни человека зависит от того, в

какой среде он существует. Инфраструктура состоит из многого – тут и дороги, и магазины, и школы в шаговой доступности, и спортивно-оздоровительные центры, и учреждения культуры. Причем совершенно не важно, ходит человек в эти учреждения культуры или нет.

Социологи посчитали, что только 8–10% населения нашей планеты посещают театр хотя бы раз в год и являются активными театральными зрителями. Чуть большая доля населения постоянно читает книги – таких, вероятно, около 30%. Но большая часть населения не потребляет культурные блага в том объеме, который многие сочли бы нормальным. Значит ли это, что культура воздействует только на обозначенные 8–10% населения, которые ходят в театр? Нет. Культурная среда возникает в результате того, есть ли в городе театр или нет: нет театра – будет одна среда, есть театр, в который ходят 10% населения города, – другая. И человек, который не ходит в театр, почувствует изменение этой среды. По сути, театр (и вообще учреждение культуры) производит воздух, которым дышат все.

Союз театральных деятелей выступает за принятие нового закона о культуре. Но все-таки мы считаем, что это новая заплатка на старом платье, которое уже порядком пообветшало. Самое время шить новый костюм, который будет в пору культуре, и носить его будет не стыдно.

В.Г. Урин,
генеральный директор
Московского академического
Музыкального театра
им. К.С. Станиславского
и Вл.И. Немировича-Данченко,
заслуженный деятель искусств
России

В начале 1990-х годов я входил в рабочую группу, которая готовила еще старый закон о культуре. Говорить о том, что этот закон сейчас не нужен, было бы неправильно. Мне кажется, что государство должно очень четко определять юридические взаимоотношения в сфере культуры. Но этот новый закон о культуре – отраслевой и ждать от него чего-то конкретного, реального не стоит, поскольку в нем будет законодательно закреплено отношение государства к сфере культуры.

Принятое и действующее, кроме исключенных из него позиций, законодательство о культуре достаточно точно и определенно расставило точки над *i*, и к сфере культуры и искусства относилось именно как к культуре и искусству, а не как к сфере услуг. К величайшему сожалению, Бюджетный кодекс приравнял культуру и искусство к сфере услуг. С экономической точки зрения это, в общем-то, правильно. Но с точки зрения культурных ценностей и

понятия культуры общества, всей громадной сферы, которая работает на эту культуру, отнесение культуры к сфере услуг, на мой взгляд, принципиально неправильно. Я бы даже сформулировал так: это "идеологически" пагубно для культуры. В сознании людей культура и искусство ставятся на уровень всей сферы обслуживания. Государство таким образом четко определяет место культуры в жизни общества. А ведь мы и так-то не самое культурное общество на планете. И мы успешно продолжаем тенденцию нашего бескультурья. В этом будущем законе – в том числе.

Проект закона о культуре повторяет Бюджетный кодекс – относит культуру к сфере услуг. С моей точки зрения, это глубочайшая ошибка государства, в данном случае – законодателей.

Нет ничего плохого в том, чтобы такой закон был, и он провозгласил основные принципы, сформулировал отношение государства к культурной ценности. Проблема будет уже в этом законе – либо ты относишься к чему-то, как к культурной ценности, либо, как к предмету потребления. Пожалуй, это первое, что приходит на ум при размышлениях о новом законе о культуре.

Все дело в том, что ничего не существует само по себе – только в определенном контексте. Когда в апреле я выступал в Государственной Думе на общественных слушаниях по поводу этого закона, я вспомнил, как в 1973 году, когда мне было 26 с небольшим лет, я был назначен директором молодежного театра в городе Кирове. Я проработал на этом посту почти 7 лет. Это было трудное время, потому что оно было идеологическим, но экономически оно было абсолютно счастливым. Если в советское время тебя назначали директором, тебе доверяли. То, что мне приходится делать сейчас как директору, чтобы решить ту или иную проблему, в советское время делать было не нужно. Вся система законов в области экономики сегодня построена только на обязательности, ответственности, но никаким образом не на правах и самостоятельности.

Бюрократизация сферы культуры сейчас просто зашкаливает. Особенно это заметно в финансовой сфере.

Если раньше договорами занималась бухгалтерия, которая состояла из пяти-шести человек, то сейчас работники бухгалтерии в два раза больше. Плюс договорной отдел – три человека. Есть юридический и тендерный отделы. Эти люди приходят на работу в 10 часов утра и в лучшем случае уходят в девятом часу, а иногда выходят в субботу и воскресенье, потому что не успевают обра-

ботать и повернуть все то количество бумаг, которое требуется для обеспечения работы театра.

Все в нынешнем законодательстве, включая пресловутый Закон № 94-ФЗ, указывает сфере культуры на ее место – место винтика в большой государственной машине. И какие бы мы с вами замечательные послы ни делали, ничего не изменится. Основы законодательства о культуре, в том виде, в каком они обсуждаются сегодня, будут иметь абсолютно декларативный характер.

Да, за этот закон все проголосуют, его обязательно примут. После скажут, что вот так они заботятся о культуре... и на этом все закончится. Потому что все остальное законодательство, которое имеет прямое действие: бюджетное, налоговое и т. д. – будет противоречить названным, декларативным вещам, закрепленным в законе о культуре. Напомню, закон о культуре не имеет прямого действия, он лишь определяет позицию по отношению к культуре. Поэтому если для этого закона и параллельно с ним не будет проведена колоссальная работа по изменению реального законодательства, диктующего правила нашей жизни, после его принятия ничего не изменится. А такой работы, насколько мне известно, не планируется.

Сколько разговоров ведется вокруг Закона № 94-ФЗ! Нет ничего плохого в законе, который определяет конкурсный отбор при приобретении товаров и услуг. Выигрывает тот, кто предложит меньшую цену, но при этом сохранит качество – вот в чем основная идея закона и самих торгов. Если мы покупаем столы, стулья, компьютеры – все замечательно. Но как только речь заходит о творчестве, начинаются проблемы.

Существует Общероссийский классификатор классов и подклассов видов продукции и услуг (ОКДП). Поставка тканей и разные операции с ними входят в ОКДП. Только на один спектакль, который мы сейчас выпускаем, нужно порядка 242 разновидностей тканей. Все они так или иначе будут использоваться в спектакле. Они отличаются друг от друга плотностью, цветом и другими параметрами. А нужно 8 метров первой, 15 метров второй, 24 – третьей, 100 – четвертой... По Закону № 94-ФЗ театр не имеет права делать закупки на сумму свыше 100 тыс. руб. без проведения конкурса. Но нет такого магазина или организации, которая могла бы предложить все ткани, подходящие по всем параметрам. Да, я могу объявить конкурс, но толку от этого не будет.

Другой пример. В театре около 65 лет проработала фантастический, уникальный мастер, которая делала балетные пачки. Она пришла в этот театр совсем девоч-

кой, а ушла на пенсию, когда ей было за 80. Ведущие балерины не только нашего, но и Большого театра приходили, заказывали ей пачки, потому что понимали, что она сделает продукт невероятной красоты и, главное, практичный и удобный. Но это стоило дороже, чем где бы то ни было.

Невозможно оценить руки мастера и определить эту оценку в законе.

Потом, непонятно, как можно подогнать под требования закона уникальные вещи. Декорации для спектаклей каждый раз делаются по индивидуальному проекту, с помощью разных материалов и технологий. Готовы ли мы, театральная сфера, работать по нормам Закона № 94-ФЗ? Конечно, готовы! Но пусть он не распространяется на создание декораций, париков, костюмов... Нет, законодатель нас не слышит. Хотя недавно у Союза театральных деятелей была встреча с руководством Минэкономразвития России. Речь шла как раз об исключении из Закона № 94-ФЗ норм о порядке создания произведений искусства, в данном случае декораций. Если это все же удастся, это будет большой победой. Пока единственный успех отрасли – удалось исключить из закона нормы о конкурсах на творческих людей и организацию гастролей (закупку билетов и оплату гостиниц).

Государство хочет уменьшить свои расходы на содержание театров. Что если попробовать создать систему альтернативного финансирования, как на Западе? Существуют частные люди и целые организации, готовые вкладывать деньги в культуру. Но они должны что-то с этого иметь. Например – налоговые льготы. В Америке на них построена вся культура. В Европе эта схема хорошо развита, при том, что, в отличие от Америки, в европейских странах сильно и государственное финансирование отрасли. На бюджет Российской Федерации оказывается колоссальная нагрузка. Чтобы ее уменьшить, нужно предоставить льготы тем, кто готов вкладывать деньги в культуру. Причем вопрос не в том, чтобы возвращать им из государственной казны полностью те суммы, которые они вложили. Это будут несопоставимые величины. Но инвестор будет знать, что вкладывает в искусство, у него появится имидж развитого, просвещенного человека, и при этом появляется и экономический интерес это делать.

Вместо развития института меценатства мы пошли по пути перевода учреждений на автономный статус.

Мое мнение – сегодня желание отдельных учреждений уйти в "автономку" связано с тем, что автономные

учреждения не будут обязаны участвовать в торгах по нормам Закона № 94-ФЗ и, конечно же, у них появится возможность распоряжаться едиными субсидиями. Если руководитель такого учреждения сэкономил на заработной плате, он может направить эти средства на организацию новых постановок, если удалось сэкономить на коммунальных услугах – можно добавить средств в фонд оплаты труда и т. д. Руководитель обретает больше свободы в распоряжении средствами, но при этом растет его ответственность. Сам бы я с удовольствием поменял статус театра на автономный. Но обратите внимание, ни один московский театр еще не стал автономным учреждением!

В осторожных действиях органов власти в данном случае есть рациональное зерно. Существует масса непроработанных моментов, связанных именно с автономным статусом учреждения.

К примеру, сегодня бюджетные учреждения не платят налог на землю и на имущество. У нас появилось новое здание, которое стоит баснословных денег. Мы подсчитали, что должны заплатить 80 с лишним миллионов рублей как налог на собственность. Только для уплаты налога театр должен работать 4–5 месяцев. А дальше нужно будет уплачивать налог на землю... Но ведь это учреждение культуры, и какая разница, в какой правовой форме оно существует! Дайте автономным учреждениям такой же статус, как и бюджетным, которые не платят налогов. Иначе разрешить эту проблему невозможно.

Государство все время лукавит. В концепции проекта закона о культуре прописана фраза о поддержке, носящей системный характер и выражающейся в финансировании. А как финансировать? Если дальше разрабатываются некие математические, экономические принципы этого финансирования, и государство выделяет средства с учетом выработанных принципов – нет проблем. Но сейчас происходит совершенно иначе: сначала выделяются деньги на культуру, а уже потом под эту сумму пытаются подвести некие экономические принципы. Не важно, как ты разобьешь 100 тыс. руб., когда тебе нужно 250 тыс.

На одном из слушаний по проекту закона о культуре член президиума говорил о том, что культура и искусство могут быть самокупаемыми. Этот спор ведется очень давно. Мы в театре подсчитали – для того чтобы такой театр, как Московский театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, продолжал работать, предоставлял продукцию того же качества и был самокупаемым, цена одного билета для посетителя при условии 75%-ного за-

полнения зала и 225 спектаклей в год должна составлять в среднем 1400 евро. Но вы же прекрасно понимаете, что никто не заплатит за билет 1400 евро. А ведь это средняя цена, т. к., очевидно, какие-то билеты будут стоить 2000 евро, а какие-то, может, и 1000 евро.

Те, кто предлагает перевести театры на самокупательность, забывают о том, каковы покупательная способность российского гражданина и размер его зарплаты. Если переложить финансирование театра на плечи тех, кто в него ходит, мы получим пустые залы.

В любой цивилизованной стране взаимоотношения общества и культуры – одна из приоритетных задач государства. И чтобы эти взаимоотношения были комфортными для гражданина, за это должно платить государство. К сожалению, понять это многим законодателям чрезвычайно сложно.

В старом законе о культуре была отражена норма, в соответствии с которой местные бюджеты обязаны были планировать и относить на нужды культуры не менее 6%, федеральный бюджет – не менее 2%. Никогда, ни в одном регионе России ничего и близко к этим цифрам не было! В этой части закон не выполнялся никогда.

Если рассчитать реальные потребности сферы культуры, провести расчеты (это возможно!), то финансирование придется увеличить в 4–5 раз. Все законодательные акты, принимаемые сегодня, ориентированы только на уменьшение расходов.

Действительно, был хороший пример совместной работы комиссии со стороны государственного законодательного органа власти и театрального сообщества – закон об автономных учреждениях. Но закон был принят в 2006 г., время прошло – давайте посмотрим, как работают автономные учреждения, проанализируем практику их работы. А их практически нет.

Единый закон для всей сферы культуры и о ней – нужен. В нем нет ничего плохого. Но когда принимаются какие-то решения, надо понимать, для чего, во имя чего, что за этим стоит. Нужно понимать основу происходящего. Те законы, которые регламентируют работу библиотек, музеев, театров, не определяют их жизнь. Это делают Бюджетный и Налоговый кодексы РФ. Это – основные законодательные акты, а не специализированные отраслевые законы, определяющие принципы работы в той или иной отрасли. Безусловно, есть вещи, которые регулируются отраслевыми нормативными актами. Но они не определяют жизнь и финансирование учреждений.

Что делать? Бороться, спорить, доказывать, заниматься этим вопросом. Под лежащий камень вода не течет. Когда государство делает что-то не совсем правильное, гражданское общество может очень внятно и четко заявить о своей позиции. Рано или поздно государству придется с этим считаться. Возмутилось гражданское общество моментальной льготой – норму скорректировали. Но постепенно у общества возникает усталость от борьбы – бюрократическая система очень мощная, пробить ее трудно.

Сам по себе муниципальный и даже федеральный театр ничего не могут. Может только сообщество, объединенная точка зрения по этому вопросу. Мнение можно выражать через Союз театральных деятелей России. Есть различные институты и способы донесения информации. Этот материал – тоже выражение точки зрения. Чем громче заявляешь о ней, тем больше вероятность, что рано или поздно к ней прислушаются. Они ведь понимают, что стоит не услышать раз, другой, третий – на четвертый раз общество пойдет на избирательные участки, и тогда не поможет никакой административный ресурс.

“Они” в данном случае это не только Министерство культуры. Оно-то как раз часто встает на сторону реальной жизни сферы культуры, слышит мнения и предложения. Правительство – не хочет слышать, потому что в государстве есть гораздо более важные, мощные институты, чем культура и искусство.

Люди от культуры в Правительстве – это тема, требующая отдельного размышления. Я уверен, что работники культуры или искусства не должны становиться чиновниками. Или это может быть в порядке исключения. Каждый должен заниматься своим делом. Есть же замечательные, образованные менеджеры в сфере культуры! И заниматься лоббированием законопроектов, управлением сферой культуры должны как раз такие менеджеры.

Как и в каждом государстве, у нас борются разные течения и тенденции. Какие настроения победят – станет понятно в 2012 г. Потом, мы живем не в безвоздушном пространстве, вокруг нас целый мир, и он тоже оказывает давление. Опыт противостояния тенденциям целого мира в нашей истории уже имеется.

Но давление идет и изнутри. Общество стремительно меняется – сейчас люди живут и думают иначе, чем 25–30 лет назад. Скорость получения информации возросла на порядок: стоит включить компьютер, уже знаешь, что происходит в мире. Утаить что-то крайне сложно, практически невозможно. Как будут дальше развиваться события в отрасли, зависит от многих обстоятельств. Чтобы победили мы, учреждения культуры, нужна общая точка зрения. Нужно, чтобы ее услышали.

М.А. Гурвич,

директор Московского
драматического театра
им. М.Н. Ермоловой,
заслуженный работник
культуры России

Нужен ли сегодня закон о культуре? Полагаю, что, несомненно, нужен. И именно о культуре, а не конкретно о театре. На сегодняшний день, учитывая огромное количество разных законодательных актов, которые в той или иной степени касаются театра, придумывать что-то новое и возводить это до целого закона о театре, думаю, нет особого смысла. Вероятно, надо очень внимательно отнестись к концепции проекта закона о культуре, которая предлагается к рассмотре-

нию и которая обсуждалась 19 апреля на круглом столе Комитета по культуре Государственной Думы РФ. Думаю, что создание нового закона о культуре на сегодняшний день – это оптимальный вариант развития событий.

Сегодня мы часто в той или иной степени ссылаемся на Основы законодательства о культуре, подготовленные в 1992 г. В просторечии эти Основы тут же были названы законом о культуре. В этом законе было очень много практических моментов, которые к жизни театра имели самое непосредственное отношение. Мы прекрасно помним, что в законе было определено, что государственный бюджет обязан ежегодно выделять 2%, а местные – 6% на культуру. Другое дело, что это выполнялось редко и не в той последовательности, которую имел в виду законодатель, это все же держало на определенном уровне производственно-финансовую жизнь культурных учреждений.

В законе были пункты, касающиеся именно театральной деятельности. Скажем, было определено, что следует понимать под предпринимательской деятельностью. Из прежней редакции ст. 47 Основ законодательства о культуре следовало, что предпринимательская деятельность была той деятельностью для учреждений культуры, доход от которой не инвестировался на уставные цели данного учреждения. И это было очень удобно, потому что средства, получаемые от любой деятельности, приносящей доход, все равно использовались на уставную деятельность театра или другого учреждения культуры. А тогда это было связано со льготами по налогообложению.

Должен сказать, что в середине 1990-х гг. эти Основы законодательства во многом помогли учреждениям культуры, театрам в частности, выживать. Более того, даже на сегодняшний день мы имеем положительное влияние Основ законодательства о культуре на всю театральную сферу.

Дело в том, что уже при первом обсуждении широко известного Федерального закона № 83-ФЗ, еще до первых чтений, мы, работники театров, прочли п. 4 ст. 9.2, и нам не понравились формулировки “цены на услуги должны быть одинаковыми” и “цены на услуги устанавливает учредитель”. Как нам показались, это означает, что один и тот же спектакль мы должны продавать по одной и той же цене независимо от того, кто заказывает этот спектакль – школа или коммерческая структура. Мы окажемся связанными этим пунктом закона. И потом, в стране огромное количество театров, и обращаться каждый раз к учредителю с просьбой определить стоимость того или иного спектакля, мероприятия – это довольно сложно и чревато непредсказуемыми последствиями. Мы заострили на этом внимание, обратились в Государственную Думу, и Комитет по культуре, надо отдать ему должное, понял, что в этом случае стоит дать театрам больше самостоятельности. Нам удалось изменить эту статью закона – в изданном законе она звучит следующим образом: “Цена на услугу должна быть одинаковой. Цену на услугу устанавливает учредитель, **если иное не предусмотрено другими федеральными законами**”. А тут в ст. 52 Основ законодательства о культуре совершенно четко написано: “Цены (тарифы) на платные услуги и продукции, включая цены на билеты, организации культуры устанавливают самостоятельно”. Вот такая коротенькая, но тем не менее действенная ссылка на закон о культуре. Даже сейчас этот закон дал нам возможность убедить законодателя в том, что театрам нужна самостоятельность в определении цен на мероприятия.

Конечно, часть норм из Основ законодательства о культуре выброшена. Не стоит забывать, что Основы были приняты даже раньше Конституции РФ. Поэтому понятно, что сегодня закон 1992 г. устарел, многие его положения, противоречащие Гражданскому или Налоговому кодексу, были исключены. Но, повторяю, на практике он был очень важен для существования культуры в целом. Хотелось бы увидеть текст, готовый проект базисного закона о культуре. С ним можно было бы работать.

Мне кажется очень важным при разработке этого закона привлечение широкой культурной общественности. Я полагаю, что этот закон не может родиться в недрах министерств и ведомств, Государственной Думы РФ.

Безусловно, все они должны влиять на него, с этим никто не спорит. Но привлечение деятелей культуры к созданию закона позволит предусмотреть практические аспекты существования учреждений культуры. А они должны быть предусмотрены обязательно! От этого за-

висит, облегчит ли закон жизнь и существование учреждений культуры или нет.

Полагаю, что без деятелей культуры законодатель сегодня обойтись не сможет. Совместная деятельность работников культуры и законодательных органов приносит свои положительные плоды – возьмем, к примеру, Закон об автономных учреждениях. Он был принят в 2006 г. А до этого, с 2004 г., шла почти двухгодичная совместная деятельность комиссии Союза театральных деятелей РФ и комиссии Министерства экономического развития и торговли. Деятельность этой комиссии на протяжении двух лет привела к тому, что многие проблемы этого закона, о которых много говорили и писали в СМИ, которые широко обсуждались в профессиональном сообществе, – были сняты. Проект закона был очень сложным. Но совместная деятельность МЭРТ и СТД РФ принесла свои плоды. Об этом нельзя забывать.

С той концепцией проекта закона, которая находится на сегодняшний день на руках у представителей учреждений культуры, сложно поспорить. К примеру, в концепции закона о культуре должны быть отражены эффективные механизмы реализации культурных прав человека. Ну кто же будет спорить, что это необходимо? Новым этапом развития должен стать новый базовый закон о культуре? Конечно! “Формирование у культуры базовых культурных компетенций” – кто же в этом сомневается? “Приоритетная задача начала второго десятилетия XXI века – это системная модернизация законодательства о культуре, которая должна ознаменовать новый этап развития отрасли” – согласен. При этом важно обеспечить преемственность с действующими на сегодняшний день и доказавшими свою эффективность нормами законодательства о культуре. Государственная поддержка культуры и ее творцов как один из постулатов нового закона о культуре – прекрасно!

Неплохая фраза – “государственная поддержка должна носить системный и стабильный характер и проявляться в финансировании”. Это очень важный момент. Безусловно, если мы говорим о нормальном существовании русской культуры на примере театра, то нужно учесть, что нам есть чем гордиться. Существует такой феномен, как русский репертуарный театр. Это есть только в нашей стране и имеет огромный отклик на Западе, у зрителей и деятелей культуры. Очень важно это сохранить. Как сохранить русский репертуарный театр, в какой бы форме он ни существовал? Важно то, что театр в любой правовой форме, в которой будет работать (казенное, бюджетное или автономное учреждение), нуждается в постоянном внимании государства. И, я думаю, что главное внимание государства – это финансирование, в какой бы оно ни было форме – субсидии, субвенции, прямое финанси-

вание... Не важно, как – если мы хотим иметь в нашей стране высокий уровень театральной культуры – а предпосылки к этому формировались десятилетиями, – нужно финансировать, и поэтому очень важно, чтобы в новом законе были предусмотрены и общие моменты о воспитании человека, о культурном базисе и так далее, и моменты, пригодные для работы учреждений культуры.

Мы знаем, что Министерство культуры России создает концепцию развития театрального дела в России до 2020 г. Было бы замечательно и к месту появление нового закона о культуре. Такое сочетание документов хорошо бы отразилось на деятельности театров.

Я говорю о театре, но если закон будет через запятую перечислять, к каким учреждениям относится та или иная норма, и через запятую будут перечислены театры, библиотеки, музеи, парки культуры и т. д., – если все это будет вместе, суть закона, которую ожидают сотрудники учреждений культуры, будет сильно обеднена, выхолощена. Полагаю, что в этом законе все равно должны быть отдельные абзацы, относящиеся конкретно к каждому учреждению культуры. Отдельно – к библиотекам, отдельно – к кино, отдельно – к музеям и т. д. Специфика существования каждого учреждения культуры – разная. Разве можно сравнивать деятельность театра и детской библиотеки? Нет, и ни одно из учреждений не лучше и не хуже. Каждое из этих учреждений достойно иметь свои страницы и абзацы в новом законе о культуре, посвященные только ему.

При перечислении через запятую невозможно создать общие законодательные, инструктивные нормы и моменты.

Мне кажется, что если законодатель услышит мнение деятелей культуры, это обеспечит появление фундаментальных, действующих основ законодательства о культуре.

Да и законодателю было бы легче, прежде чем прописывать какие-либо постулаты, узнать мнение деятелей культуры, в чем-то поправить нас. Обязательно надо услышать творцов. Они есть везде: и в театральном, и в киношном, и в библиотечном, и в музейном деле – везде есть люди, которые понимают, что происходит, как это должно быть и что может получиться в перспективе.

Трудно что-то советовать законодателю. Для этого сначала должен появиться текст законопроекта. Только тогда можно будет понять, содержит ли он какие-то опасные, смущающие статьи. Например, знаменитый Закон № 94-ФЗ существует уже пять лет. Он имеет свои слож-

ности в воплощении и практическом применении. Допустим, практическая сторона дела когда-нибудь устанут, и все мероприятия по конкурсным процедурам, сами торги будут проводиться легко и просто. Но на сегодняшний день есть проблемы, решить которые с помощью этого закона нельзя. Я говорю про театры. Представьте себе: выпуск нового спектакля. Сегодня согласно Закону № 94-ФЗ сценограф делает макет декорации, художник – эскизы костюмов, и это, по сути, уже готовое техническое задание (ТЗ). Его нужно выставлять на конкурс. После этого – месяц проведения конкурса и т. д. ТЗ – это то, что театр хочет воплотить. Задание вполне безупречно, оно выставляется на конкурс. Но мы ведь прекрасно знаем, что работа над декорациями и костюмами – это работа, которую режиссер-постановщик и художник спектакля ведут в диалоге до премьеры. Может получиться так, что до премьеры меняются декорации, костюмы, изменяется само пространство сцены. А по закону мы не имеем права это делать: театр уже отдал макет, есть победитель конкурса, он запустил задание в работу и готов подвезти и установить декорации на сцену за 10 дней до премьеры. А в этот момент у художника и режиссера появляются новые идеи по воплощению декораций и костюмов. И эта проблема – неразрешима. Мы много об этом говорим, уже обращались в ведомство, и, как мне кажется, какое-то понимание все-таки нашли. Это пример того, как общий закон касается работы всех госучреждений.

И это не первый пример диалога с законодателем. До 1998 года, если в театре присутствовали приглашенные специалисты, он должен был проводить конкурс. И мы бы не смогли пригласить, например, Станиславского, потому что конкурс все равно выигрывает тот, кто возьмется сделать работу в десять раз дешевле, чем Станиславский, – такие всегда найдутся. Это противоречие удалось преодолеть. Появился соответствующий Закон от 30.12.2008 № 308-ФЗ, где эти персоналии, участвующие в создании нового спектакля, были выведены из-под действия Закона № 94-ФЗ. Сейчас мы предпринимаем попытки вывести из-под действия Закона № 94-ФЗ создание декораций и костюмов к новым постановкам.

Чего нельзя делать ни в коем случае? Нельзя писать его таким, что какой-то сфере культуры будет невозможно по нему работать. А чтобы этого не случилось, нужно прислушиваться к мнению специалистов отрасли. Тогда закон станет и подробным, и скупрулезным.

Принят Закон № 83-ФЗ. В нем отмечено, что автономные и бюджетные учреждения с расширенным объемом прав (или бюджетные учреждения нового типа, БУНТ) будут финансироваться по госзаданию. А что такое госзадание? Должны будут появиться инструкции, подза-

конные нормативные акты под Закон № 83-ФЗ, которые объяснят, существует ли опасность того, что некоторые учредители смогут трактовать госзадание так, как это им удобно. Поэтому очень важно уже сегодня на уровне Правительства, всей Российской Федерации дать объяснение, что такое государственное задание, чтобы оно не очень мешало производственной жизни театров.

Недавно я прочитал интервью с депутатом Государственной Думы, в котором он говорит, что благодаря принятию Закона № 83-ФЗ, бюджетным учреждениям возвращается целый ряд бюджетных свобод, но уменьшаются гарантии бюджетного финансирования. То, что гарантии уменьшаются, мы заметили. А вот где возвращаются свободы – это пока непонятно, и в законе прочитать трудно.

Мы понимаем, что закон о культуре не переделает наше налоговое и бюджетное законодательство, не переписует Конституцию РФ. Этого и не требуется. Но нужно сделать так, чтобы в этом законе был предусмотрен каждый день жизни учреждения культуры. Нужно сделать эту жизнь осязаемой, нормальной и предсказуемой.

Все-таки кажется, что проект закона будет готовить Министерство культуры. А Комитет по культуре Государственной Думы, достаточно живой и подвижный, много делающий для культуры РФ, будет привлекать через союзы и объединения, в т. ч. через Союз театральных деятелей, людей, которые могли бы в силу своей компетенции вносить конкретные предложения по деятельности учреждений культуры.

Насколько я знаю, в Москве существует Совет музеев. Представляется, что к созданию проекта закона должен быть привлечен и Совет музеев. Безусловно, это на местах кажется, что все очень просто. Но мне думается, что Министерство культуры РФ при участии Комитета по культуре Государственной Думы могло бы очень многое сделать. В создании основных моментов и параметров закона должны принимать участие деятели театров, музеев, библиотек и т. д. Дальше должно происходить привлечение местных властей: московских, ленинградских, местных комитетов по культуре.

Хотелось бы наладить простые отношения, чтобы власть на местах показывала законопроект и спрашивала у своих отраслевых объединений – а чего бы вы хотели? И пересылала предложения вверх по цепочке. Нас, деятелей культуры, тоже иногда нужно сподвигать что-то сделать.

Все-таки, мне кажется, что единый закон о культуре нужен. Слишком много общих моментов в Законах № 83-ФЗ,

№ 94-ФЗ. И хочется, чтобы все они были прояснены разом, на уровне Федерации.

Местные законы сегодня могут быть, а завтра законодатель их отменит или пересмотрит. Общий закон имеет более фундаментальный характер. Такие ценности, как воспитание человека, обеспечение равного доступа к культурным ресурсам очень важны. Но когда на практике сталкиваешься с одной и той же проблемой, хотелось бы, чтобы она имела законодательное решение на самом высоком уровне. Только тогда ты точно поймешь, как с этим работать.

Е.В. Ильина,
заместитель директора
по научной работе
Нижегородского музея
изобразительных искусств

Л.Л. Смирных,
главный хранитель
Нижегородского музея
изобразительных искусств

Внастоящее время в России сложилась ситуация, когда действительно необходимо скорейшее принятие закона о культуре. Пожалуй, впервые культура названа приоритетным направлением в деле формирования личности человека – это четко и ясно определено в концепции нового базового закона о культуре. Однако закон надо сделать действующим, создать реально работающие нормы и гарантии.

Одним из важных аспектов музейной деятельности будет смена статуса учреждений.

Музей должен стать учреждением нового типа – единым исследовательским, культурным и образовательным центром, который может предложить новые пути развития гармоничной человеческой личности.

Это должно стать нормой, как и исполнение базовых музейных функций. Но для того чтобы это произошло, гарантия финансирования тоже должна стать нормой. В принципе, российские музеи обладают достаточно сильным профессиональным потенциалом для преобразования в музеи нового типа. И уже поэтому в законодательстве должно быть определено положение профессионального творческого работника, как и положение музеев вообще в спектре культурных учреждений.

Рассмотрим эти нормы подробнее:

■ **Смена статуса.** Музеи несмотря на свои сугубо консервативные функции сегодня в большинстве своем пытаются быть современными, легко адапти-

руясь к стоящим перед ними трудностями. Происходит смена парадигмы их деятельности. Но как ни парадоксально, в то же время их материальная база находится в критическом состоянии: не соответствующие нормам фондохранилища, давно не отремонтировавшиеся здания (в некоторых случаях – здания, искусственно приспособленные под музей), отсутствие достаточных выставочных площадей и специального экспозиционного оборудования. Несмотря на все усилия по модернизации музейной деятельности, предпринимаемые работниками музеев, существует колоссальная нехватка медийной и оргтехники. В то же время сегодня в музеях разрабатываются и продвигаются перспективные программы и проекты. Раз уж музей – это храм искусств, то следует оснастить его новейшими технологиями и привлечь зрителей инновационными, интерактивными программами. Только тогда, когда посетителю станет интересно, музей станет для зрителя “своим”, а его постоянное посещение – осознанной необходимостью.

Отсюда вытекает сразу ряд норм, которые должны быть заложены в концепции проекта, например, такие как норма финансирования и норма межотраслевой стыковки.

■ **Финансирование.** Нехватка финансов является главной проблемой существования сферы русской культуры, она тормозит все благие начинания. Не подумайте, что музеи провозглашают принцип “кормления”, но в то же время существовать на самоокупаемости, выполняя функцию “слуг государевых”, охраняющих его “добро”, невозможно. Как показывает опыт развитых стран, классическая культура пользуется большой государственной поддержкой.

Сегодня известны четыре типа финансирования, совокупность которых оптимальна для музеев: получение денег от учредителя, распоряжение собственными заработанными средствами, получение средств от меценатов и эндаумент-фонды (целевой капитал). Но провинциальные музеи на сегодняшний день могут воспользоваться только двумя первыми типами.

Вероятно, в законе следует определить механизм финансирования из федерального бюджета базовых (государственных) функций, исполняемых муниципальными музеями, т. к. городские бюджеты скудны. Думается, нельзя противопоставлять музеи, разделяя их по видам собственности: все они хранят культурные и исторические сокровища, каждый из них является культурным центром своего города.

■ **Межотраслевые связи.** В законе должна быть нормативно закреплена стратегическая концепция единой культурно-образовательной политики. Только благодаря этой стратегии будет работать цепочка “приучение – привычка – потребность”, которая должна стать аксиомой культурного воспитания и успешного развития личности.

И еще – музеям нужна определенная свобода от законов, ущемляющих их деятельность. Имеются в виду, прежде всего, Федеральные законы № 94-ФЗ и № 131-ФЗ. К сожалению, почти все музеи сегодня находятся в состоянии войны за выживание: их директора вынуждены тратить время не на созидание, а на ежедневную, никому не нужную борьбу с чиновничьим аппаратом. Поверьте, музеи не против контроля и проверок, но пусть они будут разумными. К сожалению, сегодня приходится отвоевывать буквально каждую позицию.

■ **В настоящей концепции не закреплено нормативно положение профессионального творческого работника.** Это самая сильная болевая точка. Сегодня большинство музеев держится на “старых кадрах”, работающих буквально на голом энтузиазме, из любви к профессии. Музейный сотрудник со стажем, уважаемый, имеющий труды и награды, подвергается моральному унижению, получая мизерную зарплату. Оклад заместителей директоров музеев I категории приравнивается к 6700 рублям. Новое поколение сотрудников хочет определенности и объективной, полноценной оценки своего труда.

В законе необходимо определить статус научного сотрудника музея, хотя это непросто и потребует объединения усилий разных ведомств. В противном случае отсутствие адекватной оплаты труда специалистов может в будущем подкосить и музеи, и культуру в целом.

■ **Нормой должен стать и жесткий контроль за тем, что делается на местах.** Росохранкультура проводит комплексную проверку сохранности культурных ценностей, находящихся в фондах музеев РФ. Но исполнение ее предписаний является законом только для музеев, а для учредителей носит рекомендательный характер. В результате музеи не могут решить многие вопросы. Необходим обязательный контроль федеральных служб за исполнением обязанностей, возложенных законом на учредителей.

■ **В законе должны быть отражены права социально незащищенных лиц и лиц с ограниченными возможностями** на получение культурных благ, что поможет им реализовать свои права, как равноправ-

ных членов общества, и в то же время сделать общество более человечным.

С законом связан и ряд опасений. Главные из них – что закон не будет действовать, учреждения будут его игнорировать или местные чиновники – трактовать его по собственному разумению. Как и раньше, когда все музеи были государственными, они должны иметь определенную, четко обозначенную независимость от ситуации на местах. А сегодня местные власти, как учредители, имеют право издавать собственные, не всегда направленные на поддержку культуры, положения. Так, в настоящее время на местах широко распространена тенденция к переводу учреждений культуры на самофинансирование, означающая полный отказ государства от выполнения своих функций. Для музеев, которые ни в коем случае нельзя рассматривать в одном ряду с развлекательными учреждениями, это смерти подобно! Несомненно, музеи должны быть выделены в “группу особого назначения”, с разделением их функций по предоставлению базовых государственных и общих услуг, поскольку существует положение по отнесению всех функций музея к разряду “услуга”.

Задача музеев – не зарабатывать денег. Но муниципалитеты настаивают на обратном, и именно это чревато для музеев трансформацией из научно-просветительского типа учреждения в массово-развлекательный, если исключительное положение музеев не найдет своевременного отражения в законе.

■ Существует ряд иных рисков, например связанных с **определением критериев оценки эффективности деятельности музеев.** На сегодняшний день музей может работать весьма средне, но будет котироваться выше своего соседа, имеющего серьезные достижения, т. к. оценка деятельности осуществляется по весьма примитивным показателям – по “валовому продукту”, количеству экспонатов, площадей, экскурсий, мероприятий. При этом не учитываются наличие серьезных научных разработок, инновационность подхода к работе, победы на престижных профессиональных конкурсах, получение грантов. Это происходит из-за отсутствия внятно разработанного нового модельного стандарта оценки эффективной деятельности музейной отрасли, а следовательно, отсутствует и стимул к качественной работе. В законе должна быть предусмотрена выработка новых критериев такой оценки. В последнее время велись серьезные дебаты об отчуждении у музеев статуса научного учреждения. Российские музеи, обремененные коллекциями, должны заниматься, прежде всего, научными исследованиями,

иначе коллекция не будет “работать”, не будут проводиться выставки, фиксироваться исторические и художественные ситуации. Эта важнейшая проблема не нашла отражения в концепции закона, что чревато потерей обществом своей идентичности, исторической памяти.

Решение проблем – естественное состояние бытия учреждения культуры. Их всегда много, но важнейшей из них является остаточный принцип финансирования, из которого проистекают многие другие – от кадрового вопроса до сохранения культурного наследия, от исполнения конституционных обязанностей по обеспечению граждан культурными благами до качественного культурного пространства и человека будущего. Решение малых проблем позволяет решить глобальные.

- **Перед многими музеями сегодня стоит кадровая проблема.** Она проявляется не только в нехватке профессиональных кадров, но и в значительном сокращении штатных расписаний учреждений. Исчезли должности разного рода, в т. ч. научных сотрудников. Это влечет за собой и работу на пределе, и выдачу в меньшем количестве и худшего качества музейного продукта, в то время как требования к объему работ увеличиваются. А еще надо учитывать, что для становления музейного сотрудника как профессионала требуется не менее десяти лет.
- **Большой, почти неразрешимой проблемой является реализация разработанных музеем программ и проектов.** Лишь малую часть можно осуществить на собственные, заработанные музеем, средства. Фондов и программ по поддержке культуры в России крайне мало, причем действующая программа “Культура России” поддерживает, как правило, учреждения федерального уровня. Статус муниципального музея стал своего рода ярлыком, и эти музеи в большинстве своем не получают гранты даже на исполнение базовой части своей деятельности.
- **Муниципальные музеи, как правило, вообще не получают финансирования** на развитие коллекции из местного бюджета. Этим объясняется одна из глобальных проблем музейной деятельности – комплектование фондов. Наиболее ущемленными оказались художественные музеи, ведь произведения искусства стоят немало! Сегодня многие музеи пополняются только за счет даров художников-творцов, но сколько можно жить за счет их благородства? Для обеспечения этой базовой функции музея, думается, должно быть предусмотрено финансирование из бюджетов любого уровня. Одновременно это станет и формой поддержки творческих работников.
- **Проблемы меценатства.** В провинциальных городах меценатства практически не существует. В условиях

малого финансирования жизнедеятельности музеев и отсутствия меценатов особенно сложно приходится музеям городов-доноров. В какой-то степени спасти положение может принятие закона о налоговых льготах для меценатов, жертвующих на развитие культуры.

- **Формирование качественной культурной среды в своем городе и регионе** – одна из насущных проблем. Музеи сегодня потенциально способны воздействовать на окружающее пространство, переориентировать окружающую среду на культурные инновации, но их потенциал не может быть реализован до конца из-за недостатка финансовых средств. Закрепление в законе финансирования хотя бы базовых функций музейной деятельности будет способствовать высвобождению части финансовых средств и серьезному сдвигу в преобразовании культурного пространства в целом.
- В силу недостаточности закрепленных в законодательстве правовых норм многие **музеи оказываются беззащитными перед субъективизмом местных властей**, порой игнорирующих закон, сводящих его к декларации. В этих условиях любое требование со стороны музея соблюдения своих законных прав может иметь далеко идущие последствия. Из-за боязни спровоцировать гнев и вызвать еще большие неприятности руководители музеев часто боятся чего-либо требовать. Только государственная поддержка и защита снимут этот синдром. Проблема более четкого законодательного урегулирования общественных отношений между физическими и юридическими лицами, органами государственной власти, власти субъектов Федерации и местного самоуправления – важнейшая, краеугольная, и забывать о ней нельзя.

Изменить Основы законодательства о культуре от 1992 года нужно, в первую очередь, для развития сферы меценатства, для того чтобы повысить престиж человека, дающего деньги на развитие культуры, и в какой-то мере определить его выгоду. Кроме того, старый закон не позволял музеям предоставлять сопутствующие услуги: иметь кафе, торговать сувенирной продукцией и предметами народного творчества, а ведь все это входит в круг полноценной релаксации и отдыха человека, живущего в урбанистической среде. В старом законе не были предусмотрены механизмы программно-целевого и проектного финансирования, но произошедшие в обществе в последнее десятилетие изменения диктуют необходимость их закрепления в новом законопроекте. Нужно законодательно установить долю финансирования культуры от бюджетного финансирования на любом уровне, относить не менее 6% средств на текущую деятельность,

а базовые направления деятельности (сохранение государственной части коллекций, уникальных образцов культуры и искусства), как нам кажется, должны полностью финансироваться за счет средств бюджетов разного уровня, и прежде всего федерального. Только тогда возможно сохранение нашего наследия. В связи с этим важно предусмотреть в законодательстве о культуре механизмы и меры ответственности юридических лиц и органов власти за сохранение культуры в стране.

Несмотря на обилие отраслевых законов и подзаконных нормативных актов, нужен один общий для всей

культуры закон. Отраслевые законы не формулируют те основные понятия, на которых базируются современные представления о культуре и ее роли в жизни общества, формировании личности человека будущего, без которого невозможно построение инновационного общества. Внутриотраслевые законы регулируют состояние отрасли, а закон о культуре – отношения со взаимосвязанными с культурой сферами. В связи с тем, что культура названа приоритетным направлением формирования личности человека, это становится еще более важным.